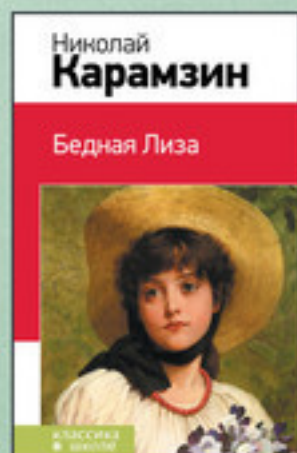

Николай Карамзин

Лиодор

*Часть сборника
Бедная Лиза (сборник)*

Николай Карамзин

Лиодор

«Public Domain»

1791

Карамзин Н. М.

Лиодор / Н. М. Карамзин — «Public Domain», 1791

«Уже холодные ветры навяли бледность и мрак на печальную Природу, когда Агатон, Изидор и я поехали в деревню – наслаждаться меланхолическою осенью. Никогда не забуду я сей осени, столь приятно нами проведенной, – никогда не забуду уединенных наших прогулок, когда мы, сидя на иссохшей траве высокого холма, смотрели на поля опустевшие, на редкие, унылые рощи – внимали шуму порывистого ветра, разносящего желтые листья, – чувствовали трепет в сердцах своих и с красноречивым молчанием друг друга обнимали...»

Николай Карамзин

Лиодор

Уже холодные ветры навяли бледность и мрак на печальную Природу, когда Агатон, Изидор и я поехали в деревню – наслаждаться меланхолическою осенью.

Никогда не забуду я сей осени, столь приятно нами проведенной, – никогда не забуду уединенных наших прогулок, когда мы, сидя на иссохшей траве высокого холма, смотрели на поля опустевшие, на редкие, унылые рощи – внимали шуму порывистого ветра, разносящего желтые листья, – чувствовали трепет в сердцах своих и с красноречивым молчанием друг друга обнимали. Счастлив, кто имеет нежную душу – душу, которая примечает все движения Природы и вместе с нею изменяется в чувствах своих – цветет и увядает вместе с нею! Все, что представляется глазам его в пространной области творения, размножает его бытие и бывает для него предметом наслаждения; всякая слеза, им проливаемая, рождает ему новую радость, иногда тайную, неизъяснимую, но тем глубже чувствуемую и тем блаженнейшую радость. Но еще стократно счастливее сей смертный, когда найдет он подобного себе человека, которого душа есть также чистое зеркало Природы. С чем можно сравнить быстроту того движения, с которым они, при первом взоре, бросаются обнять друг друга, и в глазах Неба заключить навеки священный союз дружества, союз твердейший основания земли? Кто опишет то несравненное удовольствие, с которым они сообщают друг другу свои симпатические чувства – иногда безмолвно – одним взором – одним пожатием руки? Милосердное Небо!.. в сию минуту катятся слезы мои на бумагу – слезы скорби – ах, нет! – слезы умиления, благодарности! Хотя вы, мои любезные – нежный Агатон, Изидор чувствительный! – сокрылись от глаз моих, подобно как восхитительные мечты летней ночи на заре исчезают; но в сердце моем остался цветущий ваш образ – и часто, в веянии ветерка, несущегося от могилы вашей, слышу я голос, утешительный и любезный; одна тонкая завеса разлучает нас; скоро и она подымется!.. Прости мне, милая Аглая! я возобновляю твою горесть; но ты сама велела мне говорить о друзьях наших; могли ли слезы удержаться в глазах моих?

Более месяца прожили мы в деревне, и никто из нас не чувствовал скуки. Часто бурные ветры потрясали окончины в ветхом домике нашем и печально выли в трубе камина, перед которым мы по вечерам сживали; часто поля покрывались снегом, но мы все еще в полях гуляли, не страшась ни вьюг, ни метелей. Наслаждаясь Натурою и дружеством, сердца наши не чувствовали в себе никакой пустоты, и потому мы не искали знакомства с соседними дворянами, которое могло бы прервать течение приятных минут наших и быть нам в тягость; но Судьба хотела нас познакомить с одним из них – и память его пребудет для меня всегда священной!

Однажды поутру шум ветра пробудил меня ранее обыкновенного. Друзья мои спали еще крепким сном. Я взял трость свою – ту самую, любезная Аглая, которую некогда ты мне подарила и которая была мне верным сотоварищем во всех дальних моих путешествиях, – и пошел в рощу, которая примыкала к нашему саду. Вообрази мое удивление, когда я под иссохшими ветвями высокого дуба увидел стоящего молодого человека в черном фраке, совсем мне незнакомого и притом такого, каких не много встречалось глазам моим в свете! Прекрасное, умное лицо – большие черные, огненные глаза, светлое зеркало великой души, – открытый, высокий лоб, с тремя или четырьмя ровными, углубленными чертами, которые показывали опытность и претерпленные печали, – бледные щеки, с самою тонкою розовою оттенкою – и еще нечто такое, чего описать невозможно, но что всего сильнее действует на сердце, – одним словом, любезная Аглая, представь себе второго Изидора, когда ему было двадцать семь лет от роду и когда ты увидела его, после тяжкой сердечной болезни, стоящего в аллее Д***го саду.

Облокотясь на сук дерева, он казался углубленным в самого себя; северный ветер развеивал его русые, ненапудренные волосы; круглая шляпа и белый платок лежали у ног его. Около трех минут я рассматривал его, не будучи им примечен; наконец он поднял голову, взглянул на меня – и отступил шаг назад. Я снял шляпу и, сказав *радуясь доброй встрече*, протянул ему руку. Может быть, вид и голос мой показали ему искренность моего сердца: по крайней мере, он встретил руку мою на половине пути и пожал ее с улыбкою дружелюбия. «Извините меня, – продолжал я, – если приход мой вывел вас из приятной задумчивости; но хозяин спешил встретить любезного гостя». – «Я ваш гость! – сказал он таким голосом, который был в совершенной гармонии с его лицом и показал мне новую красоту в душе его. – Итак, я стою на вашей земле?» – «Здесь в роще покоится прах моего деда». – «Простите же незнакомого, который приближался к этому освященному месту без вашего позволения». – «Он мне знаком, потому что я смотрю на него». – «Итак, вы верите физиогномике?» – «Верю Nature и своему сердцу». – «Ах! и я верю им!» – Тут он обнял меня – и жар его объятия дал мне чувствовать нежность его сердца. «Но скажите мне, – продолжал он, держа меня за обе руки и смотря мне в глаза, – скажите, кто вы?» В немногих словах удовлетворил я любопытству его; после чего незнакомец мой сказал мне, что он помещик соседней нашей деревни, в которую недавно приехал и в которой со дня приезда живет уединенно; что он любит ходить пешком и, увидев нашу рощу, зашел в нее, не зная, кому она принадлежит, и не зная вообще никого из соседей своих. «Теперь вы узнаете по крайней мере троих, – сказал я, – и притом таких, которые постараются усладить ваше уединение, не лишая вас ни одной из приятностей его. Пойдемте; в десяти шагах отсюда под смиренную кровлею маленького домика найдете вы еще два сердца, которые могут вам сочувствовать». – «Итак, вас трое? – сказал Лиодор, – но этого слишком много для одного дня; или судьба награждает меня за долгое терпение». – Он поднял шляпу свою; мы взялись за руки и через сад пришли в дом. Изидор и Агатон с удивлением посмотрели на прекрасного незнакомца, идущего к ним с распростертыми объятиями. «Это наш сосед, друзья мои! – сказал я, – он достоин любви вашей». – Они обняли и – полюбили друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.